
Научное и художественное творчество: идеальные объекты

© 2019 г. Ю.С. Моркина

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: morkina21@mail.ru, <https://iphras.ru/morkina.htm>

Поступила 21.02.2018

В данной статье мы исходим из представления о том, что наука является сложной системой, а ее идеальные объекты — сложными идеальными системами научных смыслов. Мы принимаем точку зрения, что идеальные объекты биологии моделируют реальность живой природы. Обоснована метафорическая нагруженность идеального объекта науки и целой научной картины мира. Рассмотрено понятие идеального объекта с позиций экзистенциальной философии, в соответствии с которой научные идеальные объекты, как и научная картина мира в целом, являются метафорами самоопределения, как отдельного ученого, так и всего научного сообщества. Исследован художественный (а именно, поэтический) образ и показано, что он обладает рядом типологических черт, характерных и для идеальных объектов науки. Мы рассмотрели в качестве примеров: биологию как естественную науку и поэзию как пример художественного творчества. Известно, что биология имеет дело со сложными объектами: такой феномен, как живое вещество, требует специальной методологии своего изучения. Благодаря этой сложности, биология как наука стоит несколько особняком от других естественных наук. Учеными-биологами создаются модели биологических процессов, физические (*in vitro*) или компьютерные. Мы обратились к концепции социолога познания Эдинбургской школы Дэвида Блур и его книге «Знание и социальная образность», чтобы показать, что идеальному объекту науки свойственны некоторые черты «социального» образа. Для демонстрации сходства научного идеального объекта и художественного образа мы взяли образ черемухи в творчестве Беллы Ахмадулиной. Мы показали, что этому образу присущи типологические черты идеального объекта.

Ключевые слова: наука, сознание, идеальный объект, научная картина мира, образ, метафора.

DOI: 10.31857/S004287440005741-0

Цитирование: *Моркина Ю.С.* Научное и художественное творчество: идеальные объекты // Вопросы философии. 2019. № 7. С. 150–161.

Scientific and Artistic Creativity: Ideal Objects

© 2019 г. Julia S. Morkina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: morkina21@mail.ru, <https://iphras.ru/morkina.htm>

Received 21.02.2018

In this paper science is regarded as complex system, composed by ideal objects viewed as complex ideal system of scientific meanings. We accept the standpoint, that ideal objects of biology could model reality of living nature. It has been substantiated that scientific ideal objects, as well as entire picture of the world are metaphorically laden. The concepts of an ideal object and a picture of the world as special metaphors of single scientist's and scientific community's self-determination have been contemplated in the framework of existential philosophy. Artistic (poetical) image has also been analyzed. It has clearly been shown, that it has many typological features in common with scientific ideal objects. We took biology as natural science and poetics as the examples of artistic creativity. It is well-known, that biology deals with complex objects: vivid substance's study requires special methodology. Due to its complexity, biology stands apart from other natural sciences. Biologists create special models of biological processes, *in vitro* or by means of the PS's programs. We appeal to David Bloor's, Edinburg cognitive sociologist, monograph "Knowledge and Social Imagery" in order to make clear, that ideal scientific objects have some features in common with social image. To demonstrate resemblance of scientific ideal objects with artistic images we use the image of bird cherry tree in B. Akhmadulina's poetry. We are trying to show, that this image is similar to scientific ideal object.

Key words: science, consciousness, ideal object, scientific image of the world, image, metaphor.

DOI: 10.31857/S004287440005741-0

Citation: Morkina, Julia S. (2019) 'Scientific and Artistic Creativity: Ideal Objects', *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2019), pp. 150–161.

В предлагаемой работе речь пойдет о творчестве идеальных объектов как в науке (мы возьмем как пример биологию), так и в искусстве (на примере поэтического творчества).

Для наших исследовательских целей мы примем определение известного отечественного феноменолога Н.М. Смирновой, которая определяет творчество как создание новых культурных смыслов [Смирнова 2015, 68]. Любой смысл культурноотносителен. Универсалии культуры как идеальные объекты представляют собой системы смыслов в качестве регулятивов человеческого мышления и деятельности. Смыслами наделены любые артефакты. Науку в данной работе мы рассматриваем как сложную идеальную систему *научных смыслов*, в художественном же творчестве творятся смыслы художественные. Из научных смыслов конструируются идеальные объекты науки (ИО) и целая научная картина мира (НКМ).

Каждый единичный научный факт можно представить себе как систему научных смыслов — рефлексивных единиц, существующих в сознании ученого. Но каждый эмпирический научный факт теоретически нагружен. Теория также является сложной и

развернутой системой научных смыслов. Идеальные объекты науки как составная часть сложной идеальной системы — целостной науки — представляют собой системы (по сравнению со всей наукой более низкого порядка). Научные картины мира предстают с этой точки зрения как системы высшего порядка по сравнению с отдельными идеальными объектами (ИО) и теориями, но низшего порядка, чем общенаучная картина мира (НКМ) или наука в целом как способ познания мира. Научные картины мира (НКМ) как системы, в свою очередь, являются частью человеческого мира. Весь человеческий мир, включая повседневный жизненный мир, миры искусств, науки и наук, религии — является системой смыслов высшего порядка. Научные картины мира изменяются вместе с науками, и это изменение каждый раз влияет на всю человеческую культуру. Мы можем, в свою очередь, анализировать смену научных картин мира как трансформацию мира человечества. Весь человеческий мир как идеальная система трансформируется с изменением своих подсистем: жизненного мира, искусств, религий, наук. И поскольку структуры науки представляют собой многоуровневую, сложную идеальную систему, находящуюся постоянно в стадии трансформации (по Т. Куну, незначительной в случае решения задач или тотальной в случае революций), постольку и весь мир человечества трансформируется с изменением научных представлений. Такая трансформация зависит от вполне определенной части социума — научного сообщества. Так же, как трансформация эстетических представлений зависит от части общества, занимающейся искусством, трансформация, связанная с развитием науки, зависит от научного сообщества. Научное сообщество, таким образом, становится субъектом для идеальных трансформаций научной картины мира (НКМ) и научных теорий.

Зарождающаяся в единичном сознании индивида — члена научного сообщества, трансформация научных систем смыслов (отдельного ИО, целых теорий и НКМ) развивается далее, вовлекая в себя все новых и новых субъектов научного исследования.

Необходимо также подчеркнуть своеобразие социально-гуманитарного знания по сравнению с естественнонаучным. Долгое время в теоретических работах исследователей науки наблюдалась конвергенция этих дисциплин по способу их теоретического осмысления. Но необходимо принять во внимание принципиальное различие их *онтологических оснований*. Оно заключается в том, что природа изначально не несет в себе смысла: смыслы ей придает ученый в процессе конструирования естественнонаучных ИО и НКМ. Социальная же реальность изначально в своем бытии нагружена смыслами [Смирнова 2009]. Аналогично можно рассматривать поэтическую реальность, о которой мы будем говорить подробнее позже: рождающееся на свет художественное произведение изначально для своего автора является системой смыслов — и это его онтологическое основание.

Как отмечал еще социальный феноменолог А. Шюц, конкретный индивид, рождаясь, приходит в уже осмысленный мир, где другими людьми до него уже распределены социальные роли и циркулируют смыслы [Шюц 2004, 58].

Человеческий культурный феномен изначально осмыслен, но его отличие от естественнонаучного феномена не ограничивается этим. Очень важен тот факт, что исследователь, конструируя ИО социально-гуманитарной науки его таковым (осмысленным) *полагает*, пытаясь реконструировать для науки именно *изначальный* смысл. Правда, мы не можем обойти вниманием и тот факт, что между смыслами, изначально заданными членами общества или авторами произведений, и смыслами, реконструируемыми исследователем в процессе построения ИО, существует определенный разрыв. Социальный мир «светится смыслами» и в силу того, что культурные смыслы изначально ему преданы, и в силу приписывания, полагания смыслов исследователем. Также следует учитывать, что, по Шюцу, индивид, приходя в мир, застает осмысленным не только социум, к которому относится, но и мир природы вокруг себя, мир наук (в том числе, естественных). В мире названы горы, реки, леса, построены естественнонаучные теории, которые индивид как ученый может достраивать или опровергать. В этом смысле на уровне *единичного* индивида-ученого действительно происходит конвергенция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания: теории преданы единичному индивиду, а между смыслами, данными изначально социальному миру и смыслами,

и которых конструируются ИО социально-гуманитарных наук, положен онтологический разрыв. Но все это изменяется, если мы будем рассматривать естественные и социально-гуманитарные науки с точки зрения всего человечества в целом. На этом уровне социально-гуманитарное знание онтологически отлично от естественнонаучного в силу изначальной осмысленности социального мира. То же, что мы сказали здесь о социальном мире, еще в большей степени относится к миру художественному и, в частности, поэтическому. Он онтологически отличается от мира естественных наук, в том числе, биологии, которую мы рассмотрим теперь подробнее.

1. Идеальные объекты биологии как науки

В.С. Степин подразделяет идеальные объекты (ИО) на теоретические и эмпирические. К теоретическим ИО он относит точку, прямую линию – в геометрии; материальную точку – в механике; идеальный газ, абсолютное черное тело – в физике; идеальный раствор – в химии.

Можно ли так же подразделить идеальные объекты биологии? Ряд ученых на протяжении ее истории пытались осмыслить биологические ИО с высокотeorетической точки зрения, подводя под нее теории, сходные с физическими. Это и «Теоретическая биология» Э.С. Бауэра, и теория биологического поля А.Г. Гурвича, и автопоэзис У. Матураны и Ф. Варелы. Но «Теоретическая биология» Э.С. Бауэра во многом устарела, теория биологического поля А.Г. Гурвича в биологии (в частности, в эмбриологии) не прижилась, та же участь может постигнуть выкладки У. Матураны и Ф. Варелы. Кажется, что сам материал биологии сопротивляется таким теоретическим интерпретациям, биологические объекты в эксперименте постоянно проявляют свойства непредсказанные и не предсказуемые теорией.

Биология как наука исследует живое вещество, но это – высокоиндивидуализированный объект в силу своей сложности и множественности неповторимых факторов, влияющих на жизнь. В идеале при таком объекте исследования по способу интерпретации своих результатов биология могла бы (как это видится нам) приближаться к наукам о духе.

Недаром, говоря о сложных системах, часто имеют в виду системы именно биологические, сложные на каждом уровне своей организации: невероятно сложна биосфера, реагирующая на множество факторов, зависящая от них в своем существовании. Но биосфера состоит из популяций множества видов организмов, и каждая популяция является сама по себе сложным образованием, как и вид, состоящий из популяций. Отдельный живой организм определенного вида – сам по себе – сложнейшая система, состоящая из суперсложных образований – живых клеток. Создается впечатление, что сложность живой материи не убывает с ее редукцией ко все более базовому уровню, и эта сложность несводима к физическим процессам, которые считают ответственными за жизнь в живом веществе. За счет чего оно живое? Пока на этот вопрос, на который пытались ответить и Бауэр, и Гурвич, и Матурана с Варелой, все же нет адекватного ответа, хотя ответы перечисленных ученых содержат определенную эвристичность: «устойчивое неравновесие» Бауэра, «биологические поля» Гурвича, «автопоэзис» Матураны и Варелы. Все эти ответы когда-нибудь могут быть сведены воедино, проанализированы, могут принести пользу общей биологической теории. Пока же биологический материал продолжает сопротивляться высоко-теоретичным объяснениям и предсказаниям.

Итак, такой феномен, как живое вещество, продолжает оставаться в целом не осмысленным, исследуемым в основном эмпирическими методами, его реакция на любой из множества факторов внешней реальности теоретически непредсказуема, и ее также чаще всего можно установить только эмпирически. Идеальные объекты биологии часто трудно бывает отнести к теоретическим или эмпирическим, по Степину. Мы можем здесь ввести понятие модельных ИО. Чем же они отличаются от ИО физики? У биологии как науки о жизни можно найти черты, общие с социально-гуманитарным знанием. Сходны процессы интерпретации результатов биологического эксперимента и данных наук о духе. Биология как наука о жизни, всегда индивидуальной, всегда находящейся в особых неповторимых условиях (даже если экспериментатору кажется, что

эксперимент воспроизводим и воспроизведен) — таков наш идеал биологии как идеографической науки. Исходя из этого идеала, мы и называем биологические ИО модельными, в отличие от эмпирических и теоретических ИО физики, выделяя, соответственно, модельный уровень абстракции.

Мы утверждаем, что большинство биологических ИО, исследуемых эмпирическими методами, но входящих при этом в теорию — опять же особую *биологическую теорию* — являются модельными ИО, то есть моделируют поведение возможных эмпирических ИО. Вообще моделирование — один из часто используемых методов в современной биологии. Моделируют поведение видов и популяций на компьютере, моделируют поведение белков в живой клетке на пробирочном растворе, моделируют поведение клеток печени внутри живого организма на выделенной клеточной культуре — клетках печени мыши. ИО таких экспериментов по степени абстракции, которая хоть и «невозводима» до теоретических ИО физики, но несводима и к эмпирическим ИО физики, — стоят особняком в силу специфики биологии как науки, вот почему мы дали этому сугубо биологическому уровню абстракции название модельного и утверждаем, что многие ИО биологического исследования являются *модельными идеальными объектами*, на них ученые моделируют поведение живого вещества как основного объекта изучения биологии, в высшей степени сложного и каждый раз индивидуального. И так, биология в силу специфики своего объекта «стоит особняком» среди естественных наук, в своем идеале по одному из возможных способов интерпретации своих результатов приближаясь к идеографическим наукам.

2. Идеальные объекты науки как системы смыслов

Но что представляют собой ИО в биологии и вообще в науке? О НКМ мы писали, что они являются сложными системами смыслов в сознаниях членов научного сообщества. Но НКМ во многом состоит из ИО, которые также являются системами смыслов только более низкого порядка, чем целостные НКМ. Это системы научных смыслов.

Понятие научной осмысленности, научного смысла также требует некоторого прояснения. Традиционно считается, что основным критерием приемлемости научной теории является ее истинность, истинность же также определяется рядом критериев, которые, как и различные теории истины, широко известны, так что мы не будем здесь на них останавливаться. Скажем только, что критерий истинности научных теорий, как и целых НКМ, в последнее время все более и более проблематизируется, среди философов науки все громче звучит вопрос о том, можем ли мы утверждать истинность хоть какой-то научной теории. Одно из решений данной проблемы предлагает Л.А. Маркова, выдвигая вместо критерия истинности научной теории критерий ее научной *осмысленности* [Маркова 2009]. Научная теория (и вся НКМ) может быть приемлемой, если она научно осмыслена. Так или иначе, понятие научного смысла подвергается анализу философами науки. Так и мы утверждаем: объекты науки (идеальные объекты) — как теоретические, так и эмпирические — являются сложными идеальными системами именно научных смыслов.

Рассмотрим понятие научного смысла с применением феноменологических методов. Свойство *идеальности* данных научных ИО как систем смыслов означает их существование не в материальном мире, но в каждом единичном сознании члена научного сообщества, рефлексивирующего над ними. Мы можем отметить существование отдельного ИО в потоке сознания как особого выделенного участка данного потока, образующего связи как внутри данного участка (что обеспечивает когерентность и непротиворечивость данного ИО как системы), так в его связях с другими смыслами внутри потока сознания (что обеспечивает самоидентификацию ученого как обладающего знаниями о данном ИО). Можно также указать на то, что образование связей между ИО различных научных дисциплин или между различными ИО внутри одной дисциплины может обеспечивать эвристические ходы мысли, внезапные озарения, инсайт.

Далее рассмотрим свойство *сложности* ИО как идеальной системы смыслов. Сложность эта обеспечивается существованием данного ИО в сознании как системы смыслов. Интуиция подсказывает нам, вроде, что ИО должен быть подразделяем на конечное число элементарных атомов — смыслов. Но это не так. В потоке сознания

одни смыслы могут слагаться из других смыслов, и одни смыслы подразделяются на другие. Но ни один из смыслов при этом не является элементарным, и отдельный смысл, в принципе являясь рефлексивной единицей, существует постольку, поскольку сознание вообще осуществляет рефлексивную деятельность. Наименьшая рефлексивность присуща тому, что мы называем смыслом-ощущением: это — безмолвная медитация сознания, не приписывающая ни структуры, ни названий созерцаемому. И все же смысловая структура потока сознания такова, что одни смыслы могут «перетекать» в другие. Рассматривая научную теорию или ИО, сознание может двигаться вниз или вверх по лестнице иерархии смыслов, но никогда рефлекслируемые им смыслы не становятся проще, элементарнее. Сложность ИО как системы смыслов в сознании ученого определяет возможные горизонты развития науки. Как мы уже писали, образование связей между разнородными ИО может вести к нестандартному ходу мысли, к инсайту. «Перетекание» одних смыслов в другие наряду с их более полным раскрытием обеспечивает движение науки, открытие все новых свойств рассматриваемого ИО. Эта операция, протекая в единичном сознании ученого, затем может социализироваться, быть высказанной, опубликованной, доказанной или опровергнутой экспериментом.

Итак, приняв утверждение, что ИО науки являются сложными идеальными системами научных смыслов, мы рассмотрели, что именно для них означают свойства идеальности и сложности. Осталось прояснить понятие научного смысла. Чем научный смысл отличается от смысла вообще, от художественного или поэтического смысла. Мы можем дать такой ответ на этот вопрос: научный смысл — это то, что является частью именно научного ИО, рефлексивная единица, относящаяся к определенной научной теории, связанная с ее доказательством или опровержением. *Научный* смысл является продуктом рефлексии над ИО науки, гипотезами, теориями, целостными НКМ. Являясь научным, этот смысл обладает всеми свойствами смысла вообще как рефлексивной единицы потока сознания, то есть, он так же может подразделяться на другие научные смыслы или обеспечивать сознанию восхождение к научным смыслам более высокого порядка. Он существует в потоке сознания, входит в иерархию смыслов, внутри которой образуются часто сложные связи между смыслами. Все эти его свойства обеспечивают сознанию ученого рефлекссию над научными теориями и ИО, составляющими их. И, в конечном счете, когда результаты такой рефлексии подтверждены экспериментом или обоснованы математическими вычислениями, сложная структура и сложное поведение научного смысла как смысла вообще, обеспечивают развитие науки, ее поступательное движение от одних научных смыслов к другим. Это делает науку обособленным культурным явлением — существование именно научных смыслов так же, как и существование культурных смыслов, придает движение культуре в целом.

3. Идеальный объект науки как образ

В 1976 г. социолог познания эдинбургской школы Дэвид Блур выпустил книгу «Знание и социальная образность» (или в другом переводе «Знания и социальное воображение») [Blour 1976]. Блур рассматривает связь науки с социальным миром. Как пример «самой чистой», самой абстрактной науки он рассматривает математику. По Д. Блuru, если уж математика, абстрактнейшая из наук, несет признаки социального происхождения своих объектов и теорем, то это еще в большей мере свойственно любой другой науке. Блур рассматривает в своей книге древнегреческую математику, указывая, что современная математика не представляет собой просто ее развитие, но является совершенно другой наукой, которой чужды социальные основания древнегреческой математики. Блур говорит об «альтернативных математиках» как о совершенно разных науках о числах, в которых сами понятия числа, единицы и т.д. имеют совершенно разные смыслы, поскольку они ведут свое начало из метафор различных обществ: древнегреческого полиса, средневекового общества, современного социума. Эти мысли Д. Блура можно было бы развить. В соответствии с его изысканиями, ИО науки (у Блура — математики) являются «социальным образом». Здесь мы опираемся в два понятия, так что это утверждение разложимо на два тезиса:

1. ИО науки является образом;
2. ИО науки имеет социальное происхождение.

Рассмотрим первое утверждение: ИО науки есть образ. Образы могут быть – зрительными, слуховыми, осязательными (и т.д. в зависимости от органов чувств человека, с которыми они связаны), а также синестезийными, захватывающими сразу несколько чувств. Наиболее распространены зрительные образы, поскольку для человека вообще 90 % всей информации приходит по зрительным каналам, и зрение для него – «привилегированное» чувство. Может ли ИО не быть нагруженным образностью нашего восприятия? Так, в вюрцбургской школе О. Кюльпе, Н. Ах, К. Бюлер (O. Külpe, N. Ach, K. Bühler и др.) разрабатывали понятие «чистой мысли» – мысли, не сопровождающейся образом. Одним из психологов удавалось «поймать» чистую мысль, другим – нет. Дискуссия о «чистом мышлении» продолжалась с 1900-х гг. до 1920-х гг. Вопрос о возможности «чистой мысли», таким образом, до сих пор не решен. Но мы можем утверждать, что даже если «чистая мысль» возможна, то и ее можно было бы в некоторой степени считать образом, *особым* образом.

Рассмотрим теперь второй тезис. По Д. Блуру, наука, в частности, математика, является своеобразной метафорой устройства и функционирования общества. От общественного устройства зависит смысл математических понятий, в том числе основополагающих, какими являются в математике единица и число. Блур показывает, что содержание этих понятий отражает общественные явления древнегреческого полиса и отличается от значения, вроде бы тех же понятий в Новое время. Ссылаясь на О. Шпенглера, Д. Блур говорит, что нет числа как такового, существует множественность миров чисел, поскольку существует множественность культур. Так, для греческих математиков единица не является числом, она четно-нечетна, а два является нечетным числом. Единица при этом воспринимается греческими математиками как элемент, образующий числа. Аристотель видел единицу как «меру множественности», а «число» как измеренную множественность. Мера не является множественной и не представляет собой числа. Стандартная раннегреческая классификация чисел отлична от нашей. На различие когнитивных стилей, лежащих в основе греческой и нашей математики, указывает также Клейн [Klein 1992]. Различны греческое и наше *понятия* числа: для греков число есть всегда число чего-то, число сущностей, предметных или же абстрактных. Иное понятие числа у нас. В своих исследованиях Блур рассматривает вычисления Диофанта (Диофант Александрийский – древнегреческий математик, живший предположительно в III веке н. э.), для которого, в частности, отрицательные числа не имеют места. Все эти различия Д. Блур объясняет различиями в социальном строе, который метафорически проецируется на науку. По Блуру, два способа рассмотрения числа (практический и теоретический) соответствовали социальной дискриминации. Математика – метафора общественного строя. При этом, однако, такая ее метафоричность не осознается самими учеными. Итак, ИО математики, по Блуру, есть «образы», более того, «социальные образы».

Вернемся к идее «чистой мысли»: если считать «чистую мысль» невозможной, как делал, например, Вундт, противник вюрцбургской школы по данному вопросу (а вслед за ним Б. Рассел), то получается, что любое сколь угодно абстрактное понятие в сознании оперирующего им представляет собой чувственный образ. Если же признавать возможность «чистой мысли», то и ее мы могли бы рассматривать как особый «внечувственный» образ. Из этого следует, что рассматривать ли ИО науки и целые НКМ как образы или системы образов, во многом зависит от принятой нами терминологии, т.е. от понятия образа, которым мы оперируем. Все же даже если мы возьмем традиционное понятие образа как преимущественно зрительного или синкретического, а также по преимуществу пространственного, то мы можем рассматривать ИО науки как образы, а НКМ как системы образов. Если математик будет возражать, что, оперируя математическими понятиями, он «не видит» единиц, чисел, точек, линий и плоскостей, а только мыслит их, то его «чистую мысль» как систему определенных человеческих смыслов, связанных с данными понятиями, мы могли бы рассматривать как особый образ, ведь, по Д. Блуру, эти понятия являются производными «социального воображения».

Что это значит? Мы уже упоминали, что, по Д. Блур, любое научное понятие, любая система таких понятий представляет собой метафору современного исследователя общественного устройства. Сам Блур не исследует при этом понятие «метафора», говоря просто о сродстве понятий науки и общественных идеологий. Понятие метафоры в данном контексте вводим мы, утверждая, что научный ИО, как и НКМ, *может* являться метафорой, не обязательно общественной, как то представляет Д. Блур, но вводимое ученым-исследователем впервые понятие может быть метафорой его «биографической ситуации». Позже при общественном признании, данное понятие потеряет этот метафорический смысл, но все равно может представлять собой метафору чего-либо (хотя бы того же общественного устройства как устройства мира в Юнговском «коллективном бессознательном»). Математические ИО и НКМ могут нести в себе для своих интерпретаторов больше одного смысла и, таким образом, больше информации, чем это кажется на первый взгляд. ИО и НКМ, по нашему представлению, наряду с рациональными смыслами, принадлежащими системе науки, могут нести в себе иррациональные, например, экзистенциальные смыслы как для единичного ученого-интерпретатора, так и для всего научного сообщества. Недаром вообще постижение устройства мира — глубоко экзистенциальное занятие, и результаты этого постижения — ИО и НКМ — несут на себе эмоциональную окраску в связи со своим экзистенциальным значением: постижение устройства мира является личностнообразующим фактором для ученого и фактором сплочения научного сообщества. Мир, его устройство с точки зрения раскрытия смысла ИО и НКМ — это и их прямое значение, и одновременно их метафорическое наполнение экзистенциальными смыслами. Отсюда информационная «уплотненность» каждого ИО и любой НКМ. В связи с этим мы можем сказать, что они являются одновременно и носителями прямого смысла, и метафорами. «Ненаучный» экзистенциальный смысл ИО также определяет то обстоятельство, что в нашей терминологии научный ИО является образом, несет столь же многогранную информацию, как любой образ, может захватывать при операции с ним чувственное (зрительное) и пространственное воображение. Он представляет собой сложную систему смыслов, и сложность этой системы может определяться как сложностью ее внутренней (когерентной) структуры, так и количеством не всегда осознаваемых внесистемных связей с общественными явлениями, современными исследователю (Д. Блур) или с разносторонней структурой личности применяющего ее исследователя (экзистенциальный план).

4. Художественный образ как идеальный объект

Поэтическое произведение также является сложной идеальной системой смыслов. Рассмотрев научные ИО как научные образы, мы можем теперь сделать обратный перенос и рассмотреть поэтические образы как ИО. Такие переносы понятий из одних научных дисциплин в другие признаны В.С. Степиным эвристичными и продуктивными для развития науки. Сеем думать, что и перенос из одной философской области культуры в другую (из философии науки в философию искусства) также будет эвристичным. При этом, конечно, произойдут значительные смысловые сдвиги, и перенесенная схема трансформируется, воспринимая реалии той области, в которую перенесена. Итак, мы переносим понятие ИО из философии науки в философию искусства и утверждаем, что художественный образ (живописный, музыкальный, поэтический) обладает чертами ИО. Он также является сложной идеальной системой смыслов, но для того, чтобы быть ИО, этого еще мало. С ИО его также сближает его идеальная природа, существование только в сознании и для сознания.

Здесь мы должны сделать одну оговорку: известным фактом является то, что художественный образ неразрывно связан с материальной стороной человеческого бытия и, как правило, воплощен в материальном носителе — картины существуют как слой краски на холсте, музыка записана в нотах, поэтическое произведение — в виде букв на бумаге. Но, во-первых, как мы уже писали, «материальное» является носителем идеальных смыслов. Материальные артефакты не существуют для человека без их восприятия этим человеком. Без реализации в сознании и для сознания феномена нет. И как феномены сознания материальные артефакты соотнесены с идеальным,

а именно, со смыслами. Во-вторых же, запечатленный в материальном носителе художественный образ не может быть сведен даже к идеальной составляющей материальных артефактов. Он — именно система смыслов, существующая как феномен сознания. Уже как сложная идеальная система смыслов, приобретающая в сознании интерпретатора автономию от материального носителя, художественный образ является идеальным объектом.

Однако, это только одна сторона дела. По Степину, «идеальный объект представляет в познании реальные предметы, но не по всем, а лишь по некоторым, жестко фиксированным признакам. Поскольку такая фиксация осуществляется посредством замещения указанных признаков знаками, постольку идеальный объект выступает как смысл соответствующего знака. Идеальный объект представляет собой упрощающий и схематизированный образ реального предмета» [Степин 1999, 29]. Он существует в сознании ученых и с ним возможно проведение мысленных экспериментов. ИО не существует и невозможен в материальном мире, в идеальном же мире науки он также является феноменом в сознании и для сознания — сознания ученого. ИО позволяет оперировать с ним в мысленных экспериментах и через сопоставление с объектами природы проецируется на эмпирическую реальность. Художественный образ (возьмем для простоты один какой-нибудь пример, скажем, поэтический образ) также существует как сложная идеальная система смыслов — как феномен сознания. С ним возможны мыслительные операции в сознании интерпретирующего его субъекта. Как объект мыслительного оперирования образ имеет когнитивную природу, позволяя субъекту-интерпретатору познавать как все художественное произведение в целом, частью которого является образ, так и собственную экзистенцию интерпретатора, его душевную жизнь.

На этой стороне когнитивной природы художественного образа мы остановимся немного подробнее. Сходство с ИО науки здесь заключается в том, что научный ИО (научный образ) обладает свойствами, которыми не может обладать эмпирический материальный объект. Художественный же образ также описывает предмет, могущий существовать иначе, чем в «материальном» мире. Например, черемуха Б. Ахмадулиной, многократно описанная в ее стихотворениях, хоть и кажется с виду обычной сорванной с куста веткой, однако, благодаря своей поэтизации-идеализации, приобретает свойство тревожить душу лирического героя и властвовать над его экзистенцией, а также над экзистенцией читателя-интерпретатора. Художественный образ приобретает свойства, которых нет у «материального» объекта, с которого он как бы «срисован». Вместе с тем, и от ряда свойств, присущих материальному эмпирическому объекту, художественный образ как ИО поэзии абстрагируется, существуя в идеальном плане. Когнитивная сторона такого образа — в возможности познания всего произведения, лирического героя (а через него души автора произведения), а также собственной экзистенции воспринимающего идеализированный образ — ИО художественного произведения. Приобретая перечисленные идеальные свойства, ИО художественного произведения, тем не менее, отражает и позволяет познавать, в первую очередь, экзистенцию и душевные порывы автора и интерпретатора — а ведь, это — целый пласт реальности. Особой реальности. Об этом мы писали ранее, подчеркивая общую достоверность художественного образа, его способность отображать этот особый срез реальности. Теперь же мы можем подчеркнуть, что все свои когнитивные свойства (в том числе свойство особой достоверности) художественный образ имеет как особый художественный ИО. Но художественный образ является ИО не только в силу своей «отвлеченности» от материальной стороны бытия, хотя, конечно, в этом качестве он также является ИО. Такой ИО позволяет субъекту-интерпретатору абстрагироваться от своего повседневного существования, существования в «мезокосме», в «жизненном мире», в мире повседневного «здорового смысла». Отвлекаясь и отвлекая от этих реалий сознания, художественный ИО подвергается мысленным манипуляциям с ним, (мысленным экспериментам). Не обладая одними качествами (например, приземленностью, обыденностью, материальностью), он обладает другими (способностью «приподнимать» сознание над повседневностью и раскрывать новые возможности сознания, которым он воспринимается). Таким образом, художественный ИО позволяет познавать

новую реальность, реальность особого рода, раскрывает новые свойства привычных, казалось бы, вещей (предсказательная функция).

Художественный образ предмета (приводимая уже нами в пример черемуха Ахмадулиной) или субъекта, личности (как выведенный Ахмадулиной в стихотворении-посвящении «Биографическая справка» (1967) образ Марины Цветаевой) в процессе своего образования, выписывания, проходит идеализацию, отвлечение от одних своих свойств и приобретение других, необходимых для мысленного оперирования этим образом автора или читателя. Образ приобретает черты ИО, чтобы с ним можно было обращаться как с ИО в процессе познания через него художественного мира с его художественными закономерностями. В этом смысле выписывание художественного образа как нового ИО выглядит, как *изучение* объекта или субъекта, личности, так же как в случае науки при изучении становящегося объекта. Построение художественных образов как ИО, являющихся сложными идеальными системами смыслов, в какой-то мере оказывается аналогичным построению ИО в науке. Так, личность М. Цветаевой в стихотворении Б. Ахмадулиной теряет множество черт, присущих М. Цветаевой как исторической личности, но приобретает черты «быть любимой менее, чем все, чем все, что в этом мире нелюбимо». Через образ высокого лба, рук, горла Ахмадулина выражает свое отношение к М. Цветаевой как к своему кумиру, а последний поступок Цветаевой выглядит как «строка», «все тот же труд меж горлом и рукою». Читающий стихотворение интерпретатор попадает под обаяние идеального образа и личности, познает и эту личность, и душевный мир воспевающего ее поэта через ИО, образ этой личности. Художественный образ как ИО обслуживает когнитивные функции сознания интерпретатора.

Есть еще один аспект, в котором создаваемый автором художественный образ ведет себя и выглядит как ИО. Это связано с потенциально бесконечно большим числом субъектов-интерпретаторов, воспринимающих его. Поскольку каждый интерпретатор проживает свой субъективный опыт, каждый конкретный художественный образ обладает потенциально бесконечным числом свойств-способов обслуживания когнитивных функций интерпретаторов. Из-за различий стилей мышления интерпретаторов, потенциально очень велико число связей между конкретным художественным образом и другими художественными образами данного произведения, а также число возможных способов отображения художественного образа на познаваемую с его помощью реальность. В силу этого факта восприятие художественного образа *каждым конкретным* интерпретатором предстает как отвлечение от множества потенциальных способов восприятия этого образа, его черт, связей с другими образами. Любая конкретная интерпретация художественного образа, его восприятие одним конкретным сознанием является его идеализацией, именно благодаря которой каждое единичное сознание может использовать этот образ, этот ИО в своих когнитивных функциях. Благодаря такой идеализации становится возможным мысленное оперирование этим образом для каждого конкретного сознания интерпретатора. Всеми же возможными для него связями, всеми возможными способами его восприятия художественный образ обладает только потенциально, несмотря на то, что множество его свойств и связей (хотя и не все) действительно реализуются тем множеством сознаний интерпретаторов, в которых реально происходит восприятие этого образа и оперирование им как ИО, обслуживающим познание.

5. Заключение

Мы рассмотрели науку как сложную систему (по В.С. Степину) и ее идеальные объекты как сложные идеальные системы научных смыслов.

В качестве конкретного примера современной науки мы выбрали биологию, рассмотрев ее идеальные объекты в их специфике, которая заключается в особом уровне абстракции, не соответствующей ни теоретическому, ни эмпирическому (по Степину) уровню абстракции. Уровень абстракции биологических идеальных объектов мы назвали модельным. ИО биологии моделируют природу, эмпирическую реальность, в то же время абстрагируясь от нее.

Далее мы более подробно рассмотрели идеальные объекты науки как системы именно научных смыслов, а также как особые образы, с которыми имеет дело член

научного сообщества. Мы отметили метафоричность идеального объекта и целой научной картины мира не только с позиций социологии науки (Д. Блур), но и с позиций экзистенциальной философии, в соответствии с которой научные ИО и НКМ являются метафорами самоопределения как отдельного ученого, так и всего научного сообщества. Самоопределение же означает экзистенциальный план, ощущение сознанием своего бытия. Итак, идеальный объект науки проанализирован нами как образ и как метафора экзистенции сознания.

В заключение для сравнения с научным ИО мы проанализировали художественный (а именно, поэтический) образ и нашли возможным рассмотреть его как своеобразный идеальный объект художественного творчества. Художественный образ обладает характерным также для ИО науки уровнем абстракции от своего эмпирического прототипа. Образ теряет одни черты, свойственные прототипу, чтобы приобрести другие, среди которых идеальность (существование в потоке сознания как системы смыслов) и когнитивная функция.

Источники – Primary Sources in Russian and in English

Ахмадулина 2009 – *Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт. Новые стихи.* М.: Олимп: Астрель, 2009 (Akhmadulina, Bella, *Chilled hyacinth. New poems*, in Russian).

Бауэр 1935 – *Бауэр Э.С. Теоретическая биология.* М.: ВИЭМ, 1935 (Bauer, Ervin S., *Theoretical biology*, in Russian).

Гурвич 1944 – *Гурвич А.Г. Теория биологического поля.* М.: Советская наука, 1944 (Gurwitsch, Alexander G., *Theory of Biological Field*, in Russian).

Шюц 2004 – *Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом / Составление, филос. перевод, общее и научное редактирование, послесловие Н.М. Смирновой.* М.: РОССПЭН, 2004 (Schütz, Alfred (1962) *Concept and Theory Formation in the Social Sciences*, Russian Translation).

Ссылки – References in Russian

Маркова 2009 – *Маркова Л.А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине // Эпистемология & философия науки.* 2009. № 4. С. 48–57.

Смирнова 2009 – *Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества.* М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

Смирнова 2014 – *Смирнова Н.М. Интерактивная природа смысла: эпистемология метафоры // Опыт и смысл / Под ред. Н.М. Смирновой.* – М.: ИФ РАН, 2014. С. 15–38.

Смирнова (ред.) 2014 – *Опыт и смысл / Под ред. Н.М. Смирновой.* – М.: ИФ РАН, 2014.

Смирнова 2015 – *Смирнова Н.М. Творчество как процесс созидания новых культурных смыслов // Философия творчества: материалы Всероссийской научной конференции, 8–9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексева.* М.: ИИнтелл, 2015. С. 63–77.

Смирнова, Бескова, Майданов 2015 – *Смирнова Н.М., Бескова И.А., Майданов А.С. Язык, смысл, творчество.* М.: ИФРАН, 2015.

Смирнова 2017 – *Смирнова Н.М. Смысл и творчество.* М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2017.

Стёпин 1999 – *Стёпин В.С. Теоретическое знание.* М., 1999. – URL: <https://www.twirpx.com/file/191429/> (дата обращения 19.01.2018).

Стёпин 2011 – *Стёпин В.С. Цивилизация и культура.* СПб.: СПбГУП, 2011.

Стёпин 2015 – *Стёпин В.С. Философия и методология науки.* М.: Академический проект; Альма Матер, 2015.

References

Bloor, David (1976) *Knowledge and Social Imagery*, Google Scholar, London.

Klein, Jacob (1992) *Greek Mathematical Thought and the Origin of Algebra*, Dover Publications.

Markova, Liudmila A. (2009) 'Science Perspective: the Meaning of Truth as an Alternative' *Epistemology & Philosophy of Science*, 4, pp. 48–57 (in Russian).

Maturana, Humberto, Varela Francisco (1973) 'Autopoiesis: the organization of the living', Maturana, Humberto, Varela, Francisco *Autopoiesis and Cognition*. New Science Library, Boston, 1980, pp. 63–134.

Smirnova, Natalia M. (2009) *Social Phenomenology in the Study of Modern Society*, Canon+, Moscow (in Russian).

Smirnova, Natalia M. (2014) 'The Interactive Nature of Meaning: Epistemology of Metaphor', Smirnova, Natalia M. (ed.) *Experience and Meaning*. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, pp. 15–38 (in Russian).

Smirnova, Natalia M. (ed.) (2014) *Experience and Meaning*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, (in Russian).

Smirnova, Natalia M. (2015) 'Creativity as a Process of New Cultural Meanings Creation', Smirnova, Natalia M., Alexeev, Andrey U. (eds.) *Philosophy of Creativity*, Intell, Moscow, pp. 63–77 (in Russian).

Smirnova, Natalia M., Beskova, Irina A., Maidanov, Anatoly S. (2015) *Language, Meaning, Creativity*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Smirnova, Natalia M. (2017) *Meaning and Creativity*, Canon+, Moscow (in Russian).

Stepin, Vyacheslav S. (1999) *Theoretical Knowledge*, Moscow, (in Russian).

Stepin, Vyacheslav S. (2011) *Civilization and Culture*, Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg (in Russian).

Stepin, Vyacheslav S. (2015) *Philosophy and Methodology of Science*. Academic Project; Alma Mater, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

МОРКИНА Юлия Сергеевна –

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философских проблем творчества Института философии РАН.

Author's information

MORKINA Julia S. –

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow of Department of Philosophical Problems of Creativity at the Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences.